Игорь БАРЦИЦ

Доктрина «конституционного патриотизма»: российские мечтания по мотивам европейского идеала с германскими корнями

«Конституционные принципы могут укорениться в сердцах граждан, уже имеющих хороший опыт демократических институтов и привычку к условиям политической свободы. Так они учатся – в господствующем национальном контексте – понимать республику и ее Конституцию как достижение. Без исторического, сознательно сформированного видения патриотические узы, исходящие из Конституции и связывающие с ней, не сложатся. Так как эти узы, например, связаны с гордостью успехами движения за гражданские права».

*Ю. Хабермас**

«Самое острое, что я слышал – это чтение нашей Конституции по радио – страшно будоражит и делает человеком. Это сильнее Чехова и Достоевского... Художественным произведением вы можете восторгаться, наслаждаться, любоваться, даже питаться, но не можете требовать его для себя... К тому, что в Библии – надо стремиться, очищаться, улучшаться, и вы всегда в начале пути. Когда бы вы ни открыли и в каком бы месте. Для Библии вы должны измениться. Для Конституции – нет. Нет! Нет!»

*М. Жванецкий***

Среди задач преодоления неопределенностей государственного развития России значимое место занимает поиск государственной (национальной) идеи. Как правило, поиск сводится к сетованиям на отсутствие государственной идеологии, что, в свою очередь, вменяется в вину Конституции Российской Федерации 1993 г. При оправдании бесполезности потуг формирования идейных основ развития государства и принципов взаимодействия государственных институтов и институтов гражданского общества ссылаются на

* Habermas J. The Burdens of the Double Past // Dissent. V. 41. No. 4. Цит. по: Флиберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества// Социологические исследования. 2000. № 2. С. 130.

** Российская газета. 2006. 12 декабря.

Игорь Барцицц, доктор юридичесих наук, профессор, декан Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (МИГСУ РАНХиГС) (119571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: in.bartsits@migsu.ru

Аннотация: В статье раскрывается содержание теории «конституционного патриотизма» применительно к интересам и потребностям конституционно-правововового развития России. Особое внимание уделяется конституционно-правовым феноменам Федеративной Республики Германии, приводятся взгляды немецких правоведов и философов как родоначальников данной правовой теории. На основе подробного анализа зарубежных источников, раскрывающих содержание и предназначение конституционного патриотизма, исследуются перспективы его применения в государственно-правовой доктрине Российской Федерации и за рубежом.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации 1993 года; конституционный патриотизм; конституционная идеология, неизменность (стабильность) Конституции и перспективы ее развития; коллизии и пробелы в Конституции.

конституционное закрепление идеологического многообразия и конституционный запрет на установление некоей идеологии в качестве государственной или обязательной (ст. 13 Конституции РФ). Стало общепризнанным, что отвергнув с разрушением советской формы государственности практически весь перечень советских символов, идеологических ценностей, культурных легенд и социальных мифов, пришедшая к власти в начале 1990-х гг. управленческая элита и поддержавшие ее интеллектуалы не смогли предложить обществу достойной идейной замены. В ходе многочисленных дискуссий о новой национальной идее России так и не удалось сформировать того набора ценностей, которые в новых экономических условиях могли бы конкурировать с ценностями общества потребления. Хотя объективно трудно что-то противопоставить призывам купить больше машин в год на тысячу населения, съесть больше тонн мороженого, мяса, овощей (перечень можно продолжать по номенклатуре товаров справочника товароведа).

Но в том-то и парадокс, что восприняв идею потребления, российское общество не может этим удовлетвориться, оно по-прежнему нуждается в иных целях. Задача выработки новых государственных ценностей до сих пор не решена. Отказавшись от «за Родину! за Сталина!», Россия объективно не может вернуться к триаде «Православная Вера. Самодержавие. Народность»*. А жить во имя и умирать за ценности Конституции, Республики, Демократии, Права человека и Гражданское общество в нашей стране как-то не принято.

Наглядно подтверждает подобное признание исследование Института социологии Российской академии наук «О чем мечтают россияне». Среди основных ориентиров российского общества – справедливость [О чем мечтают россияне..., 2012. С.30-41]. Более того, в восприятии отмечается существенный приоритет «справедливости» над «правом» россиян. Выделяя в качестве основных две компоненты, составляющие «образ идеального будущего: 1) государство, государственное и внутриполитическое устройство страны; 2) социально-экономический строй, цивилизационные и культурные ценности» [О чем мечтают россияне..., 2012. С.42], авторы доклада демонстрируют полную неспособность к анализу государственно-правовых составляющих, концентрируясь на социально-экономических аспектах. Термин «конституция» не упоминается ни разу, само понятие «право» приводится лишь в контексте «прав человека», «равных прав для всех». Чем вызвано подобное игнорирование конституционно-правовых ценностей, самой концепции правового государства: недопониманием конкретных социологов или же действительной незначимостью для российского общества?

Очевидно, что роль Конституции Российской Федерации 1993 г. в российском обществе и государстве не ограничивается ее признанием в качестве Основного закона страны. Двадцатилетие, прошедшее с момента принятия действующей Конституции Российской Федерации – срок, достаточный для того, чтобы оценить пройденный путь, понять собственные достижения и ошибки. И по прошествии 20 лет нередко слышатся голоса о недостаточной демократичности процедуры ее принятия. Президенту Французской Республики Франсуа Миттерану (1981–1995 гг. президентства) приписываются слова, что референдум – отличная и очень демократичная вещь, но проблема в том, что французам задаешь один вопрос, они отвечают на другой. Похоже, эта черта характерна не только для французов. Вряд ли большинство поддержавших Конституцию в декабре 1993 г. внимательно ознакомились с ее текстом. Речь шла скорее о поддержке определенного политического курса, закреплении победы одной политической силы над другой. Тем самым референдум 1993 г. подтвердил классическое определение Ф.Лассаля – В.Ленина о конституции как закреплении соотношения политических сил.

При всей неоднозначности истории подготовки, назначения и проведения референдума о принятии Конституции Российской Федерации во второй половине 1993 г. именно этот государственно-правовой акт закрепил уничтожение советской государственности и победу политических сил, которым и предстояло сформировать новые государственные, политические и экономические институты.

Практически общепризнано, что Конституция сыграла существенную стабилизирующую роль. Конституция Российской Федерации – основной символ новейшей истории России – объективно способствовала выходу страны из тяжелейшего государственно-правового кризиса осени 1993 г.

Закрепив сложившееся в начале 1990-х годов в России соотношение политических сил, Конституция задала конституционно-правовые рамки разрешения основных проблем российской государственности, среди которых были:

---

* «Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладиум), открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить — имеем мы три главных: 1) Православная Вера; 2) Самодержавие; 3) Народность», – так изложил принципы государственной идеологии Российской империи С.С. Уваров в докладе «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» (19 ноября 1833 г.) Николаю I при вступлении в должность министра народного просвещения.

1) несоответствие природы государственного устройства России задачам сохранения территориальной целостности и однородности правового пространства государства;

2) отсутствие единства в определении как внешних территориальных пределов современной российской государственности, так и принципов ее внутригосударственного деления;

3) недостаточная степень интеграции российского общества: этнической, политической, социальной;

4) несовершенство системы государственного управления;

5) отсутствие юридических механизмов, обеспечивающих единство государственной власти страны.

Преодолению названных проблем во многом и была посвящена новейшая конституционная история России.

Очевиден цивилизационный выбор России, конституционно закрепившей в качестве цели построение демократического правового социального государства. Конституция Российской Федерации 1993 г. учредила необходимый для государственного развития каркас институтов власти, тем самым выполнив возложенную на нее учредительную функцию в обоих ее пониманиях: во-первых, были образованы новые властные институты; во-вторых, уже существовавшие получили подтверждение своей легитимности и были наполнены новым содержанием.

Конституция Российской Федерации 1993 г. учредила в стране демократическую модель организации государственной власти с учетом принципа разделения властей в его функциональном понимании. Но в том и состоит особенность конституционного регулирования, что конституция и развивающие ее нормативные акты закрепляют конституционные доктрины и по преимуществу формальные правовые институты – правовые статусы и организационные структуры. Сама конституция нуждается в системе мер общегосударственной, общенациональной, общегражданской поддержки. Такая система мер предполагается теорией конституционного патриотизма.

Единоличным отцом-основателем теории «конституционного патриотизма» нередко ошибочно представляют германского философа Юргена Хабермаса, скрупулезно раскрывшего ее элементы в работе «Гражданство и национальная идентичность» [Habermas , 1992]. Хотя Ю.Хабермас благородно отдает приоритет формулирования понятия «конституционный патриотизм» (Verfassungspatriotismus) двум своим соотечественникам – Карлу Ясперсу (1883–1969) и Дольфу Штернбергеру (1907–1989).

Конкретная фамилия исследователя, первым озвучившего концепцию конституционного патриотизма, имеет несравненно меньшее значение, нежели понимание исторических условий ее появления и государственных интересов, которые она была призвана обслуживать.

Ян-Вернер Мюллер утверждает, что в настоящее время не существует какого-либо единого философско-правового определения конституционного патриотизма [Müller, 2007. P. 72–95]. Вместе с тем он отмечает значение этой концепции и утверждает, что конституционный патриотизм служит источником доверия граждан и публичных полномочий, концептуализируя убеждения и намерения, требуемые от граждан для сохранения определенной формы политического правления. Выражение «конституционный патриотизм» означает, что политическая верность должна основываться на нормах, ценностях, а также процедурах демократической конституции [Müller, 2007. P. 1, 48, 50–51]. Это – патриотизм, основанный не на общности истории или общности этнического происхождения, а на общих разделяемых всеми принципах, зафиксированных в конституции.

«Конституционный патриотизм» в виде осмысленного понятия впервые прозвучал в послевоенной Германии – стране, разделенной сначала на оккупационные зоны, а затем и на два враждебных друг другу государства. В стране, сформировавшей великую государственно-правовую теорию, но не имевшей в то время ни возможности, ни смелости воспользоваться многими из своих юридических конструкций. И именно в это время, в конце 1940-х годов, Германия принимает Конституцию, с которой ей предстояло преодолеть наследие нацизма, выйти из оккупационного режима, сформировать сильнейшую экономику Европы, преодолеть разделение страны и разрушить Берлинскую стену.

Следует отметить определенные исторические параллели между принятием Конституции Федеративной Республики Германии в мае 1949 г. и Конституции Российской Федерации в декабре 1993 года. Россия принимала свою Конституцию в условиях поражения, правда, не в «горячей», а в «холодной» войне, в условиях разрушения формировавшейся тысячелетие государственности, жесточайшего экономического кризиса, необходимости преодоления последствий тоталитарного коммунистического режима. Схожесть политических и исторических условий принятия конституций ФРГ 1949 г. и Российской Федерации 1993 г., наряду с исторической привязанностью России к германским правовым теориям и моделям, обусловливают внимание к идее конституционного патриотизма в качестве привлекательной объединяющей основы как для государства, так и для институтов гражданского общества.

В Германии идея конституционного патриотизма пережила те конкретные цели, для которых была изобретена: как замена «правильной» национальной идентичности, которая должна была стать, как заявлялось,

ненужной после объединения государства [Müller, 2007. P. 195]. В конце 1980-х – начале 1990-х г. концепция конституционного патриотизма была использована не только при включении территории ГДР в состав ФРГ, но и при оценке истории Германской Демократической Республики как неправового государства со всеми вытекающими из этого признания последствиями. Подобное признание оправдало нарушение принципов правопреемства в отношении договоров при включении территории Германской Демократической Республики в состав Федеративной Республики Германии.

Как известно, при объединении государств все их договоры сохраняют силу, но применяются в отношении той части территории объединенного государства, в отношении которой они находились в силе в момент правопреемства. Исходя из признания ГДР неправовым государством, в связи с утратой ГДР своей правосубъектности использовалось положение, согласно которому международно-правовые договоры ГДР рассматривались с точки зрения обеспечения доверия, интересов участвующих государств и договорных обязательств ФРГ, а также с учетом компетенции европейских сообществ. Договоры ФРГ сохранили свою силу и распространили действие на территорию ГДР.

В конце 1989 г. основным в процессе объединения Германии стало обсуждение юридической процедуры восстановления единого германского государства. Один из двух наиболее предпочтительных вариантов предусматривал «принятие свободным волеизъявлением немецкого народа» [Конституции государств Европейского союза. Основной закон ФРГ. С.172] конституции единого германского государства, другой — распространение действия Конституции ФРГ 1949 г. на присоединяемые территории в соответствии со ст. 23. Реализован был второй вариант о разделении территории ГДР на земли, которые и были включены в состав ФРГ. Ст. 23 Основного закона ФРГ в своей первоначальной редакции гласила: «Настоящий Основной закон распространяется в первую очередь на территории земель Бадена, Баварии, Бремена, Большого Берлина, Гамбурга, Гессена, Нижней Саксонии, Северной Рейн-Вестфалии, Рейнланд-Пфальца, Шлезвиг-Гольштейна, Вюртемберг-Бадена и Вюртемберг-Гогенцоллерна. В остальных частях Германии он вступает в силу по их присоединении». Несмотря на обвинения в откровенном реваншизме, германский законодатель сохранил эту статью в тексте конституции. И уже в 1956 г. предусмотренный ею механизм был реализован при присоединении к ФРГ земли Саар, а в 1999 г. – при поглощении ГДР.

Конституционный патриотизм стал не только удобной конструкцией для осмысления германской истории второй половины XX в., но и существенным элементом политической системы страны и общественного сознания. Особую популярность концепция конституционного патриотизма находит в современных европейских государствах применительно к самому Евросоюзу в целом в контексте обсуждения конституции Европейского союза. Ниццкое соглашение 2004 г. предполагало переход европейцев от национального патриотизма к признанию приоритета демократических принципов конституции Евросоюза. Однако уже в Лиссабонском договоре 2007 г. понятие «конституция» применено не было.

Тем не менее, общеевропейский конституционный патриотизм – вполне перспективная объединяющая доктрина для Европейского союза. Теория перешагнула границы европейского континента, ее стали рассматривать как нормативно привлекательную форму гражданской преданности все более «мультикультурному» обществу, а также как способ концептуализации гражданской идентификации на наднациональном уровне [Müller, 2007. P. 195.]

Небезынтересно, что один из основных оппонентов Ю. Хабермаса Ж. Деррида подписался под его статьей во славу объединения Европы на общих рациональных принципах и создания конституции ЕС, хотя сам, как правило, весьма скептически оценивал любые единства и консенсусы.

Конституционный патриотизм может быть представлен и раскрыт в двух значениях:

- как вид идеологии патриотизма, при котором граждане государства связаны между собой посредством принятия демократических ценностей и прав человека, а не через традиционные предполитические связи [Fossum, 2007. P.2]. В рамках этого подхода происходит переориентирование лояльности граждан от ограниченной – к лояльности нации в целом и конституции. Конституционный патриотизм основывается на принятии гражданами конкретного конституционного строя не как воплощения отдельных этнокультурных или даже государственных ценностей, а скорее, как выражения универсальных политических принципов [Oklopcic, 2012. P. 23.], которые, вместе с тем, не противоречат национальным ценностям;
- как характеристика конституции, отражающая ее направленность на признание, обеспечение, охрану и защиту государственно-правовых ценностей, прежде всего ценностей демократии и гражданских прав. В этом понимании конституционный патриотизм выступает как основа ценностей правового государства, справедливого государства, как средство разрешения актуальных государственных проблем.

Конституционный патриотизм не направлен исключительно на замену национализма. Его не следует рассматривать только и исключительно как спасительную гавань для ухода от национализма, пусть и в патриотической трактовке, к несомненно более либеральному проекту, каким предстает конституционный патриотизм. Либеральную составляющую доктрины конституционного патриотизма нельзя недооце-

нивать, но преобладающим началом в доктрине конституционного патриотизма предстает рационализм.

Можно утверждать, что в контексте доктрины конституционного патриотизма лучшей основой совместного существования граждан является идеальная (не обязательно писанная) конституция как одинаково понимаемые и разделяемые всеми членами сообщества ценности и правила. «Голос крови», культурные традиции – феномены нерациональные, они не могут быть основой патриотизма, действительно являющегося отражением заботы об общем благе, которое для сторонников этой теории, видимо, и есть любовь к Родине.

Вполне обоснованно можно возразить, что консенсус относительно базовых ценностей и правил – крайне нестабильное либо вообще вымышленное состояние общества. Но подобные возражения, в свою очередь, перекрываются трактовкой конституции как идеальной модели рациональности, которая в сравнении с собой помогает оценить реальное состояние дел и определяет направление развития нерациональных элементов до уровня рациональности. Таким образом, при всей кажущейся идеалистичности концепции конституционного патриотизма за ней скрывается представление о социальном субъекте как рациональном индивиде (их множестве). Рациональность при этом понимается в свойственном классической европейской социальной мысли стиле: ориентация на личную выгоду в самом широком смысле слова, самостоятельность («отдельность»), развитое самосознание, опора на логику в принятии решений. Конституция – это способ существования народа, им самим (каждым из рациональных индивидов, его составляющих) выбранный, это – устройство, организация государственной жизни. Утопично, но в качестве идеальной модели исключительно полезно.

Дж. Фоссум выделяет три центральных компонента конституционного патриотизма. Первый компонент традиционно для западной общественной и правовой мысли связан с правами человека и гражданина и предполагает обязательность обеспечения личной автономии. Второй – относится к институциональным условиям, а третий – к статусу конституции [Fossum. 2003, P. 4–5].

Раскрывая эти три компонента применительно к условиям российского общества, теория «конституционного патриотизма» может предложить дорожную карту решения названных выше проблем российской государственности, прежде всего, когда речь идет о сочетании общечеловеческих универсальных ценностей с ценностями всего российского общества и различных сообществ, его формирующих. При этом возможно сохранить различия между подобными сообществами, их многообразие при обеспечении непротиворечивости и сосуществования. Конституционный патриотизм предполагает выделение как объединяющих универсальных подходов для конкретного общества, в данном случае, российского.

Утверждение принципа конституционного патриотизма предполагает существенное переосмысление ряда фундаментальных конституционно-правовых феноменов.

Прежде всего конституционный патриотизм побуждает скорректировать преобладающие в отечественной правовой доктрине понимание народовластия и народного суверенитета. В Конституции Российской Федерации категория «суверенитет», закрепленная в понятиях народного и государственного суверенитета, является одной из несущих конструкций при определении конституционного строя России. Рассуждая о народовластии, конституции большинства государств, как правило, говорят лишь о правах народа, о народном суверенитете. Конституция Японии 1947 г. даже объявляет народный суверенитет принципом, общим для всего человечества. Закрепляя монархический строй, Конституция Японии в ст. 1, тем не менее, утверждает положение, которое никогда не сможет себе позволить ни одна из европейских монархий: даже статус императора «определяется волей народа, которому принадлежит суверенная власть» [Современные зарубежные конституции, 1992. С. 270.]. Ни в одной из европейских конституций нет главы, которая закрепляла бы не только права, но и обязанности народа.

Но именно так называется глава III Конституции Японии 1947 г.: «Права и обязанности народа». Раскрывает суть такого явления, как «обязанности народа», ст. 12 Конституции Японии: «Свободы и права, гарантируемые народу настоящей Конституцией, должны поддерживаться постоянными усилиями народа. Народ должен воздерживаться от каких бы то ни было злоупотреблений этими свободами и правами и несет постоянную ответственность за использование их в интересах общественного благосостояния» [Современные зарубежные конституции. 1992, С. 270.].

Германская Конституция 1949 г. утверждает, что вся государственная власть исходит от народа. Власть народа осуществляется народом с использованием системы выборов и голосований и через формирование структур законодательной, исполнительной и судебной властей. Таким образом, власть народа ставится в определенные рамки. Иллюстрацией указанного ограничения является наличие в Основном законе Федеративной Республики Германии ссылок на ст. 136–141 Веймарской конституции, действующие до сих пор и закрепляющие принципы взаимоотношений церквей (лютеранской и католической) и государства. Отсылка к Конституции Веймарской республики делается, несмотря на отторжение при принятии Конституции ФРГ 1949 г. предыдущего опыта государственного развития.

Как показывает история государственного (конституционного) права, есть некие положения, которые определяются раз и навсегда и не подлежат пересмотру. Подобные положения не могут быть изменены даже по желанию и волеизъявлению народа. Кстати, аналогичным образом закрепляется в Конституции Греции особый статус Греческой православной церкви, который также не подлежит обсуждению и изменению.

В ФРГ не подлежат пересмотру федеративный принцип устройства государства, принципы сотрудничества земель в области законодательства, а также такие основополагающие принципы, как защита достоинства человека, неприкосновенность и неотчуждаемость прав человека, демократический и социальный характер государства, народовластие, право на сопротивление всякому, кто попытается изменить конституционный строй, если иные средства не могут быть использованы. Аналогичные подходы используются и в других странах. Например, во Франции и Италии не подлежат пересмотру положения о республиканской форме правления, а в Греции – нормы, определяющие основы и форму правления государства как парламентарной республики, а также такие принципы, как уважение и защита личности, равенство перед законом, свобода личности, свобода совести, разделение властей.

Небезынтересен подход к обязанностям народа в еврейской философии. Йосеф Бен-Шломо во «Введении в философию иудаизма» утверждает: «Право народа жить на своей земле неразрывно связано с выполнением возложенных на него Богом обязанностей. Если народ не выполняет указы Божьи, земля изрыгнет этот народ» [Бен-Шломо, 1994].

Если оставить за скобками умозаключения еврейских философов о богоизбранности и особом предназначении еврейского народа (тот же автор утверждает: «особенный характер народа Израиля проявляется в его статусе народа великого не числом, а разумением и этическими ценностями. Историческое предназначение народа Израиля – вывести мир из мрака»), очевидна глубокая философская мысль: народ несет обязанности перед прошлыми и будущими поколениями.

Государствообразующий народ в своем глубинном историческом понимании это не только современные поколения людей, живущих на некоей государственно оформленной территории, объединенные общей культурой, ценностями, но и те поколения, которые формировали этот народ на протяжении веков, и те поколения, которым только предстоит прийти на эту землю. Такой философский подход может показаться весьма далеким от реальной государственно-правовой практики лишь на первый взгляд. Именно из него выводятся основополагающие обязанности народа и избранной им власти: сохранить свое государство, его территорию и этнос, обеспечить его культурное, экономическое, политическое развитие, наладить достойные отношения с соседями и утвердить свое право среди других народов мира.

Приведенные примеры иллюстрируют тезис, что идея народного суверенитета – это теоретическая философская и правовая категория, которая находит свое практическое воплощение в целой системе конституционных институтов и механизмов. Народ – суверенный властитель только в пределах своего права, и только если народ действительно это право определяет, а не в случае, если это право навязывается ему какими-либо иными, непредставительными органами. Народа метафизического нет, как нет народа эмпирического – есть избирательный корпус, есть просто избиратели. Можно выявить волю избирательного корпуса в целом, волю конкретного избирателя, но практически невозможно выявить единую волю народа. Как пишет Дольф Штернбергер, «демократия — это элемент конституции, и даже фундаментальный ее элемент, ибо именно народ, и только народ, прежде всего в качестве избирателей, легитимирует действующие государственные органы, и именно в выборах актуализируется демократический элемент конституции» [Штернбергер, 2005. С. 309.].

Вместе с тем никакая часть народа не должна присваивать себе права суверенитета. Электорат это только часть народа, его политически наиболее активная часть. Народный суверенитет находится и реализуется в рамках реального органического государства.

Другим конституционно-правовым феноменом, который нуждается в расстановке четких акцентов, является трактовка российской гражданской нации. Упрощая, можно сказать, что речь идет о поиске компромисса между «русской нацией» и «российской нацией».

В конституционно-правовой теории сложились два основных подхода: трактовка нации как гражданской общности и как общности этнической. Концепция гражданской нации – civic nation, которую часто называют французской моделью, основана на представлении о нации как о совокупности всех граждан государства вне зависимости от их этнического происхождения. Эта модель во многом учла историко-правовой опыт Франции, в которой сложились демократические принципы, сформировалось гражданское общество, были созданы необходимые условия для того, чтобы все этнические группы могли воспринять культуру этноса-ядра (прежде всего – владение языком).

Вторая концепция – этническая, по крови, которую также называют немецкой моделью. Она имела большее распространение в период формирования наций, который, например, в Европе занял около 400

лет. Ее содержание составляет признание происхождения нации от этноса (от греч. ethnos – племя, народ) – исторически сложившейся на определенной территории устойчивой совокупности людей, обладающих общими чертами и стабильными особенностями культуры и психологического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием). Соответственно под нацией (от лат. natio – народ) понимается исторически складывающийся тип этноса, представляющий собой социально-экономическую целостность, состоящую из связанных производственными отношениями больших социальных групп людей.

Данный подход был положен в основу программы и практики партии большевиков, стал основой национально-государственного строительства в РСФСР, а позднее и в СССР. По мнению отдельных исследователей, в основу Советского Союза, наряду с этническим принципом, был положен и принцип гражданской нации. В преамбуле Конституции СССР 1977 г. провозглашалось построение общества, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ.

Неадекватность подобного признания была подтверждена, когда в условиях начавшейся в СССР «перестройки», а под ее влиянием и «бархатных революций», в странах Восточной Европы были реализованы подходы национального патриотизма, одним из наиболее популярных лозунгов вновь стало требование права наций на самоопределение. Разрушение государства, создававшегося на протяжении тысячелетней истории, – результат преобладания этнического признака над конституционным, общегосударственным.

Напротив, конституционный патриотизм, по мнению Ю. Хабермаса, может возникать только тогда, когда политическая культура и государственная политика начинают дифференцироваться в большей степени, чем в случае с нацией – государством классического типа. Идентификация с отдельными традициями и образом жизни сменяется более абстрактным патриотизмом, который касается абстрактных принципов и процедур [Habermas. 1987, . S. 173].

Понятие конституционного патриотизма было сформировано в целях защиты немецкого общества от пагубного влияния сильного этнического национализма [Reinkowski. 1997. P. 71.] как объединяющая всю германскую нацию модель патриотизма, основывающегося на таких понятиях, как «право» и «гражданственность», то есть на «идентичности гражданства» в противовес «идентичности крови», этнической идентичности. Во многом в противовес конституционному патриотизму в западной научной литературе как уничижительное описание истерического патриотизма, когда истина, справедливость, равенство приносятся в жертву национальным интересам и соображениям национальной безопасности, встречается термин «religious patriotism», то есть это патриотизм в его экзальтированной крайности, превращенный в подобие религиозного чувства.

В ст. 116 Основного закона ФРГ дается разъяснение, кого считать немцем, равно как в ст. 66 Конституции Турции дается аналогичное разъяснение, кто считается турком: «Если нет иного законодательного регулирования, немцем по смыслу настоящего Основного закона является каждый, кто обладает немецким гражданством или нашел убежище в качестве беженца, перемещенного лица немецкой национальности, а также супруга или потомка одного из этих лиц на территории Германской империи в границах, существовавших на 31 декабря 1937 г.», «Каждый связанный с Турецким государством через обязательства гражданства – турок».

Единство народного суверенитета и единство гражданской нации – основополагающие элементы конституционного патриотизма. Другими элементами конституционно-правового единства страны выступают: 1) единство правового пространства России, обеспечение верховенства на всей территории Российской Федерации Конституции России и федеральных законов (ст. 67) и прямое действие Конституции Российской Федерации на всей территории Федерации (ст. 15); 2) целостность государственной территории (ст. 1, 3, 67); 3) единый институт гражданства Российской Федерации; 4) единство правового режима территории Российской Федерации в вопросах экономики (единство экономического пространства), свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на всей территории, поддержки конкуренции и свободы экономической деятельности (ст. 8); 5) единая система федеральных органов государственной власти; 6) единый государственный язык; 7) единая международная правосубъектность Российской Федерации; 8) функционирование единых вооруженных сил и органов безопасности; 9) наличие общегосударственных символов и атрибутов – столицы, герба и гимна.

Рассмотрение конституционного патриотизма как безусловно либеральной правовой и философской доктрины не исключает анализа возможных рисков и угроз ее применения в российской государственно-правовой жизни. Среди очевидных рисков наиболее возможные: конституционный патриотизм может выступить прикрытием объявления неизменным соотношения политических сил, сложившегося на дату принятия текста Конституции, и неизменности Конституции в целом; гипертрофирование конституционного

патриотизма; конституционный патриотизм может вступить в противоречие с требованиями соблюдения приоритета международного права.

При раскрытии сущности конституции базовым является подход, озвученный немецким философом Ф.Лассалем в брошюре «О сущности конституции». В ней представлены две речи, произнесенные автором в 1862 году на собрании берлинского окружного «Союза граждан» и опубликованные согласно постановлению этого собрания. Первая речь была издана в 1862 году под названием « ber Verfassungswesen» («О сущности конституции»), вторая в 1863 г. «Was nun?» («Что же дальше?»). Впервые полный русский перевод появился в 1905 году в издании библиотеки «Общественная польза». Основная идея подхода Ф.Лассаля сводится к тому, что действительная конституция страны – «это не что иное, как фактические отношения силы, существующие в данном обществе. Фактические отношения силы, существующие в каждом обществе, суть та активно действующая сила, которая определяет все законы и правовые учреждения этого общества» [Лассаль Ф. 1999, С. 437.].

Этот подход был творчески переосмыслен В.И. Лениным (Ульяновым) в работе «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам»: «В чем сущность конституции... В том ли, что при конституции бывает «свободнее» и «трудовому народу» жить легче, чем без конституции. Нет, так думают только вульгарные демократы. Сущность конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе. Фиктивна конституция, когда закон и действительность расходятся; не фиктивна, когда они сходятся» [Ленин В.И, 1968. С. 345]. Несмотря на отказ от идеологических конструкций, конституционная практика из раза в раз подтверждает точность формулы Ф. Лассаля–В. Ленина о сущности конституции как соотношения сил. Другой вопрос, что изменения социальной структуры общества привели к размыванию такого феномена, как «классы», и усложненной стратификации общества.

Здесь очевидно явное противоречие: если конституция – отражение соотношения политических сил и результат победы одной силы над другими, то доктрина конституционного патриотизма предстает в качестве обоснования принятия данного соотношения как исторически необходимого и рационального. Но этот подход противоречит основополагающему постулату доктрины конституционного патриотизма как идее объединения на основе рациональности и общего блага.

Была ли закрепленная Конституцией 1993 г. победа одних политических сил над другими безоговорочной? Вряд ли. За принятие Конституции проголосовало 58,43 %, против — 41,57 % от проголосовавших. Но «да» Конституции сказали 32 937 630 участников референдума, при том, что российский электорат на тот момент включал 106 170 835 граждан России. Была ли победа абсолютной? Однозначно, да. Сработал мажоритарный принцип – победитель получает все. Именно победители в референдуме 1993 года определили направление развития России в новейшей истории. Именно Конституция 1993 года задала политические и государственно-правовые рамки развития страны, ее экономики, формирования гражданского общества, демократических начал.

Конституция 1993 года как основополагающий политико-правовой документ выполняет различные функции, под которыми понимаются основные направления ее действия. Прежде всего, она выполнила свою учредительную функцию. Конституция как акт учредительной власти создала и придала легитимный характер не только государственным институтам, но и институтам экономики, институтам гражданского общества.

При анализе в современных условиях конституционных принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления неизбежно возникает вопрос: нужны ли России конституционные преобразования или все дело в механизмах реализации ее потенциала? Небезынтересны данные опроса ВЦИОМ, проведенного в начале декабря 2012 года. Всего лишь 18 % респондентов сочли свое знание Конституции хорошим, 59 % лично документ не читали, но имеют общее представление о его положениях, 22 % не представляют себе содержания Конституции. В то же время 45 % респондентов заявили, что нынешняя Конституция нуждается в совершенствовании, внесении в нее существенных изменений и дополнений.

В том и состоит особенность конституционного регулирования, что Конституция и развивающие ее нормативные акты закрепляют по преимуществу формальные правовые институты – правовые статусы и организационные структуры. Поэтому «конституционный патриотизм» не исключает совершенствования конституционно-правового регулирования и возможности изменения самого текста Основного закона.

Преобладающим и оптимальным в современном российском обществе предстает тезис, предполагающий развитие Конституции при неизменности ее текста. Двадцать лет действия Конституции Российской Федерации 1993 г. опытным путем подтвердили возможность существования в одних текстуальных конституционных рамках значительно отличающихся друг от друга политических режимов (в частности, мож-

но выделить несколько различных моделей президентской власти, политической роли палат Федерального Собрания Российской Федерации, степени самостоятельности региональных властей). Парламентская система России испробовала, наверное, все возможные варианты формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации при неизменности конституционных положений, посвященных этой палате парламента. Даже в современной модели президентской республики Конституция не исключает возможности усиления роли парламента, вплоть до утверждения принципа ответственного перед парламентом правительства.

Конституция предполагает различные модели развития российского федерализма. Так, федеральные округа, формально выступившие в качестве элемента системы государственного управления, а не элемента государственного устройства, выполнили значительную стабилизирующую роль в федеративных отношениях, не найдя упоминания в тексте конституции. С другой стороны, любые посягательства на конституционно-закрепленное государственное устройство страны (при всей его сложности и возможной недостаточной эффективности с экономической точки зрения) чреваты дестабилизацией межэтнических отношений. Терпимыми остаются переживания «национальных окраин», пока идеи «губернизации» и иные унификационные теории остаются политическими лозунгами далеко не самых популярных политических партий. Гораздо более жесткой прогнозируется реакция, если существующее государственное устройство будет поставлено под сомнение в контексте «совершенствования» конституционной модели.

Российский опыт подтвердил отсутствие детерминированности политического режима конституционными нормами. Эту мысль четко выразил М.Дюверже: «Любая конституция рисует не одну, а множество схем правления, построение которых зависит от расстановки сил в данный момент. Различные политические режимы могут... функционировать в одних и тех же юридических рамках» [Duverger, 1978. P. 10. Цит. по: Салмин, Пивоваров. С. 79].

Реальная государственная жизнь неизмеримо богаче правовых статусов. Тезису о незыблемости Конституции не противоречит совершенствование конституционного законодательства, т.е. правовых актов, регулирующих конституционные правоотношения. Конституция утверждает прочность государственных конструкций при свободе наполнения пространства внутри этих прочных конструкций.

Конституция Российской Федерации в части регулирования управленческих отношений обладает значительным потенциалом детализации. Из этого тезиса выводится презумпция «неприкосновенности» Конституции Российской Федерации на ближайшую историческую перспективу. В то же время многие исследователи отмечают неточности в регулировании системы государственной власти (органов исполнительной власти и судебной власти, прокуратуры) в России, которые стали почти общепризнанными [См., напр. Авакьян, 2000. С. 215–226]

Необходимо отметить, что такого рода коллизии достаточно часто встречаются и в конституционных актах других государств. Коллизии, как правило, разрешаются путем выбора (по определенным правилам) конкретной правовой нормы или института либо их толкования, в процессе которого устанавливается их соотношение и определяются приоритеты, выявляются пределы действия отдельных понятий, норм и институтов. Потребность этого вызывается не только упорядочением правового пространства, но и преодолением политических конфликтов.

Применительно к Конституции существует еще одна распространенная проблема, которая является предметом дискуссии. Она связана с решением вопроса о правомерности признания либо отрицания пробелов в конституционных актах. Учитывая, что основные законы регулируют только наиболее важные правоотношения, нельзя говорить о пробелах в Конституции. Согласно своей сущности, она неизбежно должна иметь пробелы – ситуации, когда отдельные общественные отношения оказываются не в поле конституционного регулирования. Возникает своеобразное «умолчание» в отношении отдельных вопросов жизни общества или государства. Более того, такое «умолчание» неминуемо, ибо правовая практика всегда более динамична, нежели принимаемые законы. Кроме того, вопрос, какие общественные отношения являются наиболее важными и подлежат конституционно-правовому регулированию, а какие – нет, в значительной степени имеет субъективный характер и зависит от конкретного этапа исторического развития. Нередко вопросы, которые на некотором этапе развития кажутся исключительно важными, требующими приоритетного конституционного закрепления, по прошествии времени теряют свою актуальность и значимость.

Очевидно, что развитие политического режима, экономическое развитие вполне укладываются в рамки текста Конституции. Лозунги «фетишизации Конституции», выраженные в формате «Руки прочь от...», никоим образом не вступают в противоречие с задачами развития политического режима и экономической системы. Если такое противоречие и выделяется, то оно характеризуется терминами диалектики, а не антагонизма. Признавая внутреннюю противоречивость Конституции, исследователи неизменно утверждают, что преодоление этой противоречивости не должно вести к постановке задач изменения Конституции. «Стремление считать единственным способом решать любые насущные вопросы – от борьбы с коррупцией

до починки котельной – путем немедленного изменения Конституции свидетельствует скорее о «подростковом максимализме» общества, чем о несовершенстве Основного закона» – таково мнение С.М. Шахрая [Шахрай, 2013. С. 15-16.].

Напротив, отмечается, что до сих пор не принято большинство актов, призванных развить положения Конституции – в сфере степени конституционного воздействия на экономику, обеспечения свобод, в том числе экономических. «Не будет большим преувеличением утверждать, что вся Конституция, все ее разделы в их органическом единстве имеют отношение к экономическому развитию страны, задавая базовую логику ее функционирования. Тоталитарная конституция поддерживает тоталитарную экономику, демократическая конституция создает предпосылки и задает рамки функционирования экономики рыночной» [May, 2010. С.272]. Связка «рыночная экономика (экономическая демократия) – политическая демократия (демократический политический режим)» – более чем не очевидна. Рыночная экономика может существовать при не совсем демократических политических режимах. Но не может быть политической демократии при нерыночной экономике.

Исторический опыт предлагает примеры эффективных авторитарных режимов (советская индустриализация, китайская модель социализма, пиночетовский режим). Однако все эти примеры демонстрируют эффективность на начальных этапах индустриализации. Реализовав свой замысел, авторитарные режимы утрачивали возможность дальнейшего развития и нуждались в иных, более демократических лозунгах. Сегодня у подобного перепутья находится Китай, исчерпавший модернизационный запал первого этапа. Модель авторитарной модернизации не может быть результативной, когда речь идет об информационном обществе. Если авторитарные режимы в истории и достигали неких экономических успехов, то на более высоком уровне развития трудно найти доказательства, что авторитарный режим может руководить экономическим ростом.

Конституция не только и не столько правовой акт, ее идеи – предмет изучения экономики, общественных наук, политологии, социологии. Конституция России 1993 г. предстает как документ, определяющий перспективу развития национальной идентичности, которая не исключает опасности гипертрофирования конституционного патриотизма. Ю. Хабермас указывает: «Разросшаяся до уровня национальной культуры культура большинства должна выделиться из своего исторически обусловленного сплава с всеобщей политической культурой, если все граждане страны должны иметь возможность идентифицироваться с политической культурой собственной страны в равной степени. По мере успешного осуществления этого процесса отрыва политической культуры от культуры большинства солидарность граждан перестраивается на абстрактной основе “конституционного патриотизма”» [Хабермас, 2003. С. 119.].

В России «разрастание культуры большинства» чревато ростом национализма, как великодержавного, так и окраинного. В.С. Соловьев выделял «внутреннее между требованиями истинного патриотизма, желающего, чтобы Россия была как можно лучше, и фальшивыми притязаниями национализма, утверждающего, что она и так всех лучше» [Соловьев, 1989. С. 444].

Конституционный патриотизм является радикальной демократической концепцией в рамках совещательной демократии, которая стремится к разумному обоснованию преданности граждан государства конституции. Данная теория предполагает, что граждане, готовые принять рациональность своей конституции, а также обоснованность разумной аргументации, воспринимают конституционные нормы как изложение их правовых и нравственных ценностей [Breda, 2013. P. 12, 14].

«Рациональность» национальной Конституции превышает для общества «рациональность» международного права. Здесь конституционный патриотизм может войти в противоречие с тезисами о примате международного права и непосредственности действия норм международного права. Непосредственность действия норм международного права не есть показатель «цивилизованности» государства. Если в Королевстве Нидерланды признается, что международные договоры в иерархии правовых актов стоят выше конституции страны, то в Королевстве Швеция, в «цивилизованности» которой принято не сомневаться, непосредственное действие международно-правового договора допускается лишь в исключительных случаях, если риксдаг примет решение об опубликовании его в «Собрании законов Швеции», придав тем самым данному международному договору силу закона.

Конституция Российской Федерации 1993 г. признала приоритет правил международных договоров над национальным законодательством (ч. 4 ст. 15). Однако речь идет не о любой норме международного права, а лишь об императивных нормах, обладающих общеобязательным характером – jus cogens. Приоритет международных договоров не распространяется на Конституцию РФ: ч. 6 ст. 125 Конституции РФ закрепляет положение, что не соответствующие Конституции РФ международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению.

Конституционный суд Российской Федерации, согласно п. п. «а», «з» ст. 125 Конституции РФ, вправе разрешать дела о соответствии Конституции РФ не вступивших в силу международных договоров. Обра-

щает на себя внимание практика Конституционного суда РФ, который использует при обосновании своих решений акты международного права (в частности, имели место ссылки на Всеобщую декларацию прав человека, на Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, на документы международных организаций и международные договоры), но в своих решениях основывается только на положениях Конституции Российской Федерации.

Каждый из трех рассмотренных вызовов со стороны концепции «конституционного патриотизма» для российской конституционно-правовой доктрины не является критичным. Более того, сама Конституция Российской Федерации 1993 года содержит в себе механизмы, которые сводят возможные негативные последствия восприятия конституционного патриотизма к минимуму. Причем, конституционному патриотизму даже не угрожает отсутствие идейного (идеологического) согласия. Как пишет Дэниэл Саттер, «конституционный консенсус вряд ли умрет в отсутствие идеологического консенсуса» [Sutter,1998. P. 323.], поэтому конституционный консенсус, определяющий уклад жизни государства и общества, основан на конституционной идеологии, которую никак нельзя сводить к простому математическому сложению или простому перемешиванию кусочков различных политических идеологий. Идеология конституционного патриотизма, возможно заимствуя от политических идеологий какие-то элементы, обладает совершенно иной природой и, главное, самодостаточностью. Наконец, исходя из учредительного характера Конституции Российской Федерации, вполне обоснованно позиционировать конституционный патриотизм в качестве фундамента конституционного консенсуса – основы и критерия легитимности власти.

Литература

Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: РЮИД, «Сашко». 2000. С. 215–226.

Бен-Шломо Й. Введение в философию иудаизма. Иерусалим: Тарбут, 1994. 104 с.

Конституции государств Европейского союза. Основной закон ФРГ. Вводная статья. М., 1997.

Лассаль Ф. О сущности конституции / Цит. по: Антология правовой мысли. М.: Мысль, 1999. Т. 3.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.17. Издание 5. Том.17. М.: Политиздательство, 1968.

Мау В.А. Экономическая реформа: сквозь призму Конституции и политики // Сочинения в 6 т. Т.2: Государство и экономика: опыт посткоммунистической трансформации. 2010. Изд-во «Дело».

О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад // Институт Социологии РАН, М., 2012.

Салмин А., Пивоваров Ю. О духе Основного закона: заметки на полях конституционных проектов // Конституционное совещание. 1993. № 1. С. 79.

Современные зарубежные конституции. М., 1992. С. 270.

*Соловьев В.*С. Соч.: в 2 томах. М., 1989.

Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 5 (39).

Шахрай С.М. Общество в период изменений: опыт конституционного строительства // Государственная служба. 2013. № 1.

Штернбергер Д. Конституционный патриотизм // Политическая философия в Германии: Сб. ст. / Й. Изензее и др. М.: Современные тетради, 2005.

Breda V. Constitutional patriotism: A reasonable theory of radical democracy? // Constitutional Patriotism & Identity / Ed. by M. Zagor. Canberra: Australian National University Press, 2013.

Duverger M. Echec au roi. P. Michel, 1978.

Fossum J.E. On the Prospects for a Viable Constitutional Patriotism in Complex Multinational Entities: Canada and the European Union Compared / Annual Conference of the Canadian Political Science Association. Saskatoon, 2007. 20 p.

Fossum J.E. The European Charter – Between deep Diversity and Constitutional Patriotism? Working Paper / ARENA, 2003. 32 p.

Habermas J. The Burdens of the Double Past // Dissent. V. 41. No. 4. Цит. по: Флиберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества// Социологические исследования. 2000. № 2.

Habermas J. Eine Art Schadensabwicklung. Frankfurt am Main, 1987.

Habermas J. Staatsbürgerschaft und nationale Identität // Faktizität und Geltung. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.

Müller J.-W. Constitutional Patriotism. – Princeton: Princeton University Press, 2007.

Müller J.-W. Three Objections to Constitutional Patriotism // Constellations. 2007. Vol. 14. № 2. P. 195–206.

Müller J.-W. A. general theory of constitutional patriotism // International Journal of Constitutional Law. 2007. P. 72–95.

Oklopcic Z. The Territorial Challenge: From Constitutional Patriotism to Unencumbered Agonism in Bosnia and Herzegovina // German Law Journal. 2012. Vol. 13. № 1. – P. 23–50.

Reinkowski M. Constitutional Patriotism in Lebanon // New perspektives on Turkey. 1997. № 16. P. 63–85.

Sutter D. Calculation of Self-Interest and Constitutional. Consensus: The Role of Ideology // Constitutional Political Economy. 1998. № 9. P. 323–333.

CONSTITUTIONAL PATRIOTISM» DOCTINE (RUSSIAN DREAMING ON EUROPEAN IDEAL MOTIVES WITH GERMAN ROOTS)

Igor Bartsits – J.D., professor, Faculty Dean of the International Institute of Public Administration and Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (119571, Moscow, Vernadsky pr.,82) E-mail: in.bartsits@migsu.ru

Summary: The article reveals the content of the theory of "Constitutional patriotism" concerning the interests and needs of the constitutional legal development of Russia. The constitutional legal phenomena of the Federal Republic of Germany have been specially studied; views of German lawyers and philosophers as 'fathers' of this theory are given. On the basis of the detailed analysis of foreign sources revealing the content and designation of the constitutional patriotism the article investigates perspectives of its application in the state legal doctrine of the Russian Federation and abroad.

Keywords: Constitution of the Russian Federation of 1993; Constitutional Patriotism; Constitutional Ideology; Invariance (stability) of the Constitution and Perspectives of its Development; Collisions and Gaps of the Constitution.

References

Avak'ian S.A. Konstitutsiia Rossii: priroda, evoliutsiia, sovremennost'. [Constitution of Russia: the nature, evolution and moderni] Moscow: RIuID, «Sashko» publ. . 2000. P. 215-226.

Ben-Shlomo I. Vvedenie v filosofiiu iudaizma [St. Introduction to the philosophy of Judaism] .Ierusalim, Tarbut publ.,1994, P. 104

Breda V. Constitutional patriotism: A reasonable theory of radical democracy? // Constitutional Patriotism & Identity / Ed. by M. Zagor. Canberra: Australian National University Press, 2013.

Khabermas Iu. Postnatsional'naia konstelliatsiia i budushchee demokratii [Post-national constellation and the future of democracy] // Logos. 2003. № 4-5 (39). P. 105-152 [aus: Habermas, Jürgen. Die Postnationale Konstellation. Politische Essays. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1998. S. 91-163].

Konstitutsii gosudarstv Evropeiskogo Soiuza. Osnovnoi zakon FRG. Vvodnaia stat'ia [The Constitution States of the European Union. The basic law of the Federal Republic of Germany. Introductory article]. Moscow, 1997.

Duverger M. Echec au roi. P.: Albin Michel, 1978.

Fossum J.E. On the Prospects for a Viable Constitutional Patriotism in Complex Multinational Entities: Canada and the European Union Compared / Annual Conference of the Canadian Political Science Association. Saskatoon, 2007. 20 p.

Fossum J.E. The European Charter Between deep Diversity and Constitutional Patriotism? Working Paper / ARENA, 2003. 32 p.

Habermas J. The Burdens of the Double Past // Dissent. V. 41. No. 4. CIT. by: Флиберг В. Habermas and Foucault theorists of civil society// Sociological studies. 2000. № 2.

Habermas J. Eine Art Schadensabwicklung. Frankfurt am Main, 1987.

Habermas J. Staatsbürgerschaft und nationale Identität // Faktizität und Geltung. - Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.

Lassal' F. O sushchnosti konstitutsii [About the essence of the Constitution] / Tsit. po: Antologiia pravovoi mysli. Moscow, Mysl' publ., 1999. T. 3.

Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T.17. Izdanie 5. Tom.17 [complete works. edition 5. volume 17]. Moscow, Politizdatel'stvo. 1968.

Mau V.A. Ekonomicheskaia reforma: skvoz' prizmu Konstitutsii i politiki Sochineniia v 6 t. T.2: Gosudarstvo i ekonomika: opyt postkommunisticheskoi transformatsii [Economic reform: through the prism of the Constitution and politics», in Essays in 6 T. T.2: State and the economy: the experience of post-Communist transformation]. Moscow, Delo publ. 2010.

Mueller J. W. Constitutional Patriotism. Princeton: Princeton University Press, 2007.

Mueller J. W. Three Objections to Constitutional Patriotism // Constellations. 2007. Vol. 14. № 2. P. 195-206.

Mueller J. W. A general theory of constitutional patriotism // International Journal of Constitutional Law. 2007. P. 72-95.

O chem mechtaiut rossiiane (razmyshleniia sotsiologov). Analiticheskii doklad [The dreams of Russians (reflections sociologists). Analytical report] // Institut Sotsiologii RAN, Moscow, 2012.

Salmin A., Pivovarov Iu. O dukhe Osnovnogo zakona: zametki na poliakh konstitutsionnykh proektov [About the spirit of the Basic law: the notes on the fields of constitutional projects] // *Konstitutsionnoe soveshchanie*. 1993. № 1. P. 79.

Oklopcic Z. The Territorial Challenge: From Constitutional Patriotism to Unencumbered Agonism in Bosnia and Herzegovina // German Law Journal. 2012. Vol. 13. № 1. P. 23-50.

Reinkowski M. Constitutional Patriotism in Lebanon // New perspektives on Turkey. 1997. № 16. P. 63-85.

Sovremennye zarubezhnye konstitutsii [Modern foreign Constitution]. Moscow, 1992. P. 270.

Solov'ev V.S. Sochineniie v 2 tomakh [Composition: in 2 volumes]. Moscow, 1989.

Shakhrai S.M. Obshchestvo v period izmenenii: opyt konstitutsionnogo stroitel'stva [Society in the times of change: constitutional building Experience] // *Gosudarstvennaia sluzhba*. 2013. № 1.

Shternberger D. Konstitutsionnyi patriotism [Constitutional patriotism] // Politicheskaia filosofiia v Germanii: Sb. st. / I. Izenzee i dr. Moscow: Sovremennye tetradi publ., 2005.

Sutter D. Calculation of Self-Interest and Constitutional. Consensus: The Role of Ideology // Constitutional Political Economy. 1998. № 9. P. 323-333.